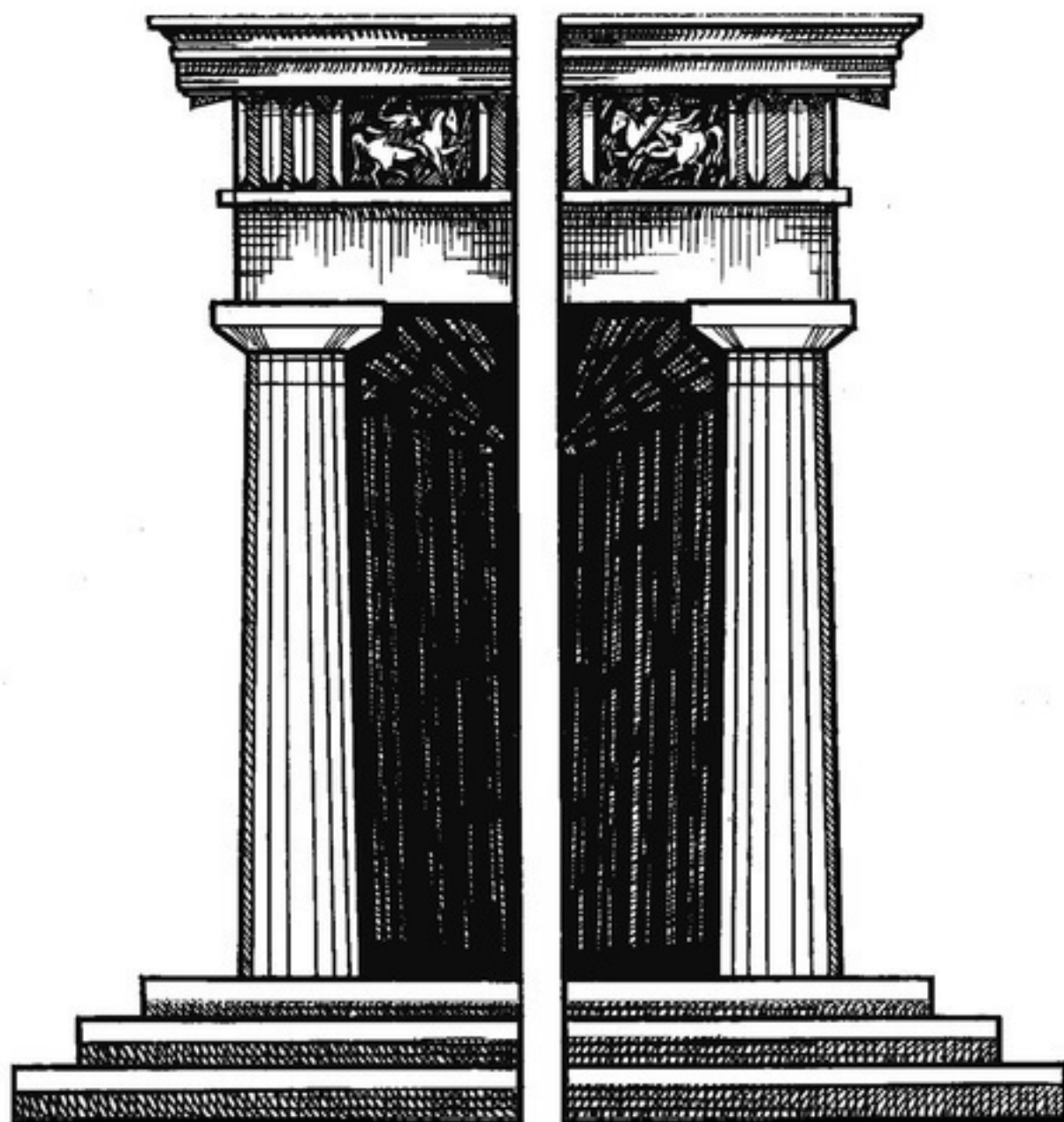

АЛЕКСАНДР
ЦЫГАНКОВ

ТРОСТНИКОВАЯ
ФЛЕЙТА

Александр Цыганков

**Тростниковая флейта:
Первая книга стихов**

«Автор»

2005

Цыганков А.

Тростниковая флейта: Первая книга стихов / А. Цыганков —
«Автор», 2005

В книгу «Ветер над берегом» вошли стихотворения томского поэта и художника Цыганкова Александра Константиновича, лауреата литературной премии журнала «Юность».

© Цыганков А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

I. Лестница	7
Восход	7
Мелодия для сверчка и лестницы	8
Пассаж с героем	9
Летучие рыбы	12
Пролив	13
Отражение	14
Terra incognita	15
На чтение Гомера	16
Над водой	17
Страсти по Эгисту	18
Оранжевая кожа апельсина	19
«Ночь, залитая стихами...»	20
Городской этюд	21
«Приам покинет стены Трои...»	22
Скорбный путь	23
Видения на берегу	24
Форма грусти	26
Мой стих	28
Медитация	29
Весна	30
Общие места	32
1. «Силуэты женщин за окном...»	32
2. «Это снова текут по столу...»	32
3. «В одиночестве каждый виновен...»	33
Транспозиция	34
Мужик	35
Подражание Катуллу	36
Одиссей и Навзикая	37
Знак Гефеста	38
Сократ и небо	39
Ода шмелю	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Константинович Цыганков

Тростниковая флейта. Первая книга стихов

«скромное ожерелье плеяд...»

скромное ожерелье плеяд
пощёлкивает бусинками звёзд

северная корона размыкается
и увеличивается в размерах

звёздное вещество расплёскивается
корона превращается в ленточку

лента становится шире и тоньше
и закрывает ночные небеса

светящаяся вуаль падает на землю
и окутывает влюблённых

млечный путь раскручивает
КОЛЕСО БЕСКОНЕЧНОСТИ

І. Лестница

Восход

*Ниже уровня звёзд
ничто не достойно внимания...*

Андре Бретон

Послушайте, какая высота!
Как шмель, жужжащий в колоколе слова,
Где утро на холодном берегу
Примеривало длинные одежды.
Слезинка, словно мамонт, по щеке
Текла себе тысячелетним руслом,
И бледный ангел лезвием кромсал
Страницы изумрудного тумана.
А между тем, расслаивая плоть,
Над изголовьем Эос восходила,
И запад Афродите целовал,
Сжигая тень невидимой туники.

7.1989

Мелодия для сверчка и лестницы

Поэма уподобится сверчку —
Подлестничной простуженной волюнке.
Открою дверь и форму извлеку,
Пустив алмаз по уличной пластинке.

Чего желать, раз снова Новый год
И рубят лес досужие гвардейцы.
И наше время переходят вброд
Наместники, купцы, эпикурейцы...

И древним многоруким божеством
Нам явится какой-нибудь безбожник
И будет словно солнце, но потом
Окажется – он вовсе не художник...

И в такт вечерним трелям соловья
Вдруг дятел застучит по древесине,
И в общем шуме лестница моя
Разгонит молоточки в клавишине.

Но не вернут забытых и благих
Ни этот хор, ни музыка от Кришны...
В других не переделаешь других.
Я – для себя слагаю эти вирши.

И этот мир качается, как снег,
Поёт сверчок, и лестница не мыта.
Мне этой ночью снились: печенег,
Голгофа и я сам под аркой Тита...

11.1989

Пассаж с героем

Ясон, зови своих гребцов, не нам
Скорбеть о брэнной славе мореходов.
Не боги внемлют нам, а мы богам.
Пусть век не тот, и нет уж тех народов —
Вперёд, Ясон, к высоким берегам!

Не ради славы, девы и руна
Какого-то колхидского барана
Влечёт нас непонятная страна
И манит из прозрачного тумана
Никем не покорённая Луна.

Пусть этот круг не впишется в квадрат
И не охватишь обручем два века,
Вперёд, Ясон, векам наперехват!
А время – не предел для человека,
И смертный перед ним не виноват.

Здесь все, Ясон, давно с ума сошли.
Один учёный варвар, или викинг,
Гонял в Эгейском море корабли —
Такой был шум: и диспуты, и брифинг...
Но он уже забыт и на мели.

Маршрут Арго, увы, неповторим.
Я не о том, я о другом походе.
Погибли Троя, Греция и Рим,
И будущее солнце на заходе,
Но горизонт всегда необозрим.

Пусть время перепишет сей рассказ
И разъяснит загадки Одиссея,
Достигнем и Колхиды... Но Кавказ
Давно похож на печень Прометея:
Поможет ли Медея в этот раз?

И мне, Ясон, уже не до руна.
И золота там нет, лишь кровь титана
Впитала опалённая страна,
Но бронзовую статую тирана
Ещё ночами золотит луна.

Ты помнишь, как один великий грек
Сжёг чей-то флот у стен родного града.
Был очень умным этот имярек:

Распад – есть отражение распада,
И в зеркале сгорает человек.

Но это так... Да и к чему пример?
Вода всегда предполагает рифы.
А в той стране не нужен волномер.
Там царские, Ясон, но всё же скифы,
Каких ещё не описал Гомер.

И эту пропасть будет лучше нам
Преодолеть не морем, а над морем.
Доверим полированным щитам —
И донное свечение утроим,
Пустив живое солнце по волнам.

11.1989

Летучие рыбы

Скрепив невидимые звенья,
Они прорвали сеть причин
И славят вольное движенье
В среде взволнованных пучин.

И радость позднего возврата,
Пусть стайных, но крылатых рыб,
На волнах красного заката
Пронзает солнечный изгиб.

А там, вдали, в прибрежных водах —
Искрящихся икринок рой!
Спаслись погибшие при родах,
И завершился вечный строй.

Но тем, кто жил в прицельном свете,
Ни в высь уйти, ни в глубину,
Они скользят, как свежий ветер,
И небо меряют в длину.

11.1988

Пролив

Бушуют волны Геллеспонта
У края местной синевы,
И медный шлем Беллеронфонта
Лежит в песке без головы.
Песок, как будто прах героя,
Несёт крылатые слова,
И по волнам чужого моря
Плывёт без шлема голова.

А тело бродит вдоль залива
Без бранных мыслей и забот.
И воды вечного пролива
Стремятся ввысь, наоборот,
Где между донных отложений
Нефела гонит облака,
И между прочих отражений
Растворена моя строка.

Пускай Гипнос меня задушит
В своих небесных вещих снах,
Но вижу я, как наши души
Лежат частями на весах,
Как разделённый на два моря
Без головы Беллеронфонт...
И лишь крылатый конь героя
Соединяет Геллеспонт.

7.1989

Отражение

Синеет море. Чайки. Вдалеке
Левкадская скала и женский профиль...
И берега замысловатый грифель
Ломают пенный росчерк на песке.

От свежести кружится голова.
Картавят волны. Дует лёгкий ветер.
Невозмутимо море на рассвете,
И не нужны красивые слова.

И море выдыхает немоту
И лижет раскалённые ступени.
В волнах встают непрошенные тени
И волны увлекают в высоту.

И в глубине надвременных зеркал
На крыльях поднимаются кумиры.
И женщина поёт... И голос лиры
Над временем раскатывает вал.

И в небесах над морем и скалой
Растут и разгораются кометы,
Издаюка, как первые поэты,
Нисходят в мир рассветной полосой.

И солнце расплетает полотно
И на песке рисует женский профиль.
Ломаются о камни пенный грифель,
И по скале струится тень Сапфо...

11.1989

Terra incognita

Я падаю на плоскость полотна
И отражаюсь сразу в двух морях.
Луна обводит тёмный силуэт,
Предполагая новую волну Прилива.
И крылатый бег часов,
Ещё не обозначенных в воде,
Не знает, как переступить рассвет.

И я, сдирая донные пласты,
Пытаюсь угадать, где скрыта твердь.
Но только мрамор многих Атлантид
Распарывает плоть зелёных волн
Подводных, неродившихся морей.
Поскольку море – плоскость, и на ней
Должна быть неоткрытая земля.

Ещё не знал о шаре Магеллан,
А я уже чертил его маршрут,
Играя с настоящим кораблём
В огромной луже посреди двора.
Но лужи тоже без границ и дна,
Они бездонны и бесформенны,
Как весь невоплощённый генотип.

И всё, что накопилось со времён
Пришествия избранников со звёзд,
Я помню, чувствую, осознаю...
Но только не найду, где скрыта твердь:
На чём стоят проклятые слоны?
Где край нераспадающихся сфер?
И кто ещё об этом не забыл?

11.1989

На чтение Гомера

В гневе ложусь я на камни берега реки многобурной,
Взгляд отвожу от прекрасных меднолитых современниц,
Словно развёрнутый свиток – мудрую книгу читаю:
Как неразумный троянец, Парис, Елену похитил.

Недолго скорбели ахейцы...

5.1989

Над водой

Упругой линией бедра
На гнупом зеркале природы,
Сплошной иллюзией свободы
Стоит упрямая вода.

Равно – что море, что река...
И плоть произошла из плоти.
Ещё не жил Буаноротти,
Но стала мраморной рука

Запечатлённого творца,
Себя загнавшего под своды
На плечи давящей природы
Ступнями римского дворца.

Но всем знакомые черты
На берегах бесстрастной Леты
Несут вселенские приметы
Какой-то странной красоты.

И здесь – что сердцу, что уму
Не совладать с подкожной дрожью.
Течёт вода по бездорожью,
И путь срывается ко дну.

А над водой струится стриж,
Взрывая вечность опереньем,
И в глубине покрыт свеченьем
Ещё не признанный Париж...

Но в звук врезается перо
Едва проклюнувшейся птицы,
И окрылённые девицы
Поют про женственность и про

Того, который под венец
Шагнул с земного эшафота.
И муза славилa Эрота,
Когда в бедре запел птенец.

7.1989

Страсти по Эгисту

Старик, похожий на Гомера,
Глядит в упор на Клитемнестру.
А Клитемнестра, как гетера,
Заводит страсти по Эгисту.

Старик глядит, Гомер похожий.
И Понт выкручивает пену.
И Агамемнон, как прохожий,
С тоскою смотрит на Елену.

А Клитемнестра в ратном шлеме
Снимает с юноши накидку.
Старик заплакал, и в гареме
Эгист ласкает проститутку.

Античность, белая, как пена,
Несёт по площади заколки,
И полногрудая Елена
Ломает ногти на прополке.

Эгист устал, ушли гетеры.
Гомер похож, но не смеётся.
Елена – пленница Цереры
И никому не отдаётся.

Выходит на берег Цирцея
И озирает гладь потопа,
Но ожидает Одиссея
Под Менелаем Пенелопа.

И Зевс уже не принимает
Очередную гекатомбу,
Он Агамемнону внимает,
Готовя атомную бомбу.

Старик уже давно не плачет.
Гомер врагам отдал Елену.
И тот, который только зачат,
Глокает греческую пену.

1.1990

Оранжевая кожа апельсина

Оранжевая кожа апельсина
Сгорает, словно сброшенное платье.
И в камерном звучании свеченья
Лишь сердцем уловимое наречье
Касается божественного тела.

И в самом мимолётном поцелуе
Мы улетим ещё в такие дебри,
Откуда мы едва ли возвратимся,
Где солнце покрывается росой
В серебряном закате новолунья.

И это называют люди утром.
Кружится шмель, и птицы начинают
Скользить среди волшебных клавиш света
Над кольцами высокого тумана,
И льётся песнь по впадинам восхода.

Вот так и постигается пространство,
Когда на лучезарной колеснице
Одной мечты и одного желанья
Мы грезимся в одном и том же небе
Друг другу, но другими, словно солнце

Не отражает от земли земное.
И только свет свечи подобен звукам
Нежнейшего и трепетного сердца,
И кожа золотого апельсина
Сгорает, словно сброшенное платье.

12.1989

«Ночь, залитая стихами...»

Ночь, залитая стихами, —
Поэтическая мгла
С заливыми петухами —
До рассветного угла.
И до солнечного клина
В покрывале облаков —
У холодного камина
Звон стаканов-дураков.

7.1988

Городской этюд

И свет завёрнут в полотно,
И воздух с привкусом угара,
И дождь гремит, как Ниагара,
И водопад ползёт в окно.

Обычный, как простуда, день
В академичном колорите.
Вот бьют часы... Тоска в зените,
И полдень переходит в тень.

И, оградившись от небес
Зонтом, никем не узнаваем,
Бежит прохожий за трамваем,
Когда трамвай уже исчез.

И день спешит пролить беду,
Вбирая эхо урагана.
И грань разбитого стакана
Подобна сколотому льду.

6.1989

«Приам покинет стены Трои...»

Приам покинет стены Трои,
И выдаст Гектора Ахилл,
Но безымянные герои
Не обретут своих могил.

Забвение страшнее смерти,
Но ничего не изменить:
Всех павших в этой круговерти
Ни вспомнить, ни похоронить.

9.1989

Скорбный путь

Не иссякнет боль в лучине
От стального топора,
Будто свет на белой льдине
В скрипе вешнего пера.

Отразился гладиатор
В странном шорохе реки,
И воинственный оратор
Вылетает из руки...

То, наверно, птиц забвеньё
В криках северных бойниц.
За звеном вступают звенья
По цепи из небылиц.

И плывёт краюха хлеба
В Александровский централ:
Сам Овидий это небо,
Словно свиток, надписал...

1.1990

Видения на берегу

Вот край земли. И вот моя обитель
Стоит, как будто лодка, на боку.
И мир, подобный дну и сапогу,
Уже готовит новый карнавал.
Глядит в окно неведомый учитель,
Обвил порог армейский рваный китель,
В шкафу – поэт, сражённый наповал,

Любимый всеми, мною и собою...
Убит, так что ж, не искупить грехи?
Глодают пену небо и верхи,
Бушует непонятный океан,
И ангел обречённую трубою
Безумцев увлекает за собою,
Взрывая засекреченный туман.

Идут бои. В раскрытых просторах
Кометы накапливают на броню.
Дают овса троянскому коню,
И, словно солнце, всходит адмирал.
Но за спиной крадётся странный шорох,
И дева заряжает мокрый порох,
Туда, куда никто не заряжал.

Вот здесь и поднимается завеса:
Взлетает беспилотный самолёт,
И дни, и ночи кряду, напролёт,
Растёт над побережьем страшный гул.
Доносится мелодия из леса.
В лесу идёт молебен или месса,
Священник чистит пойманных акул.

А дева доверяется дельфину,
Покинув цилиндрический снаряд,
И с девой перекрещивает взгляд
Ещё не подорвавшийся корабль.
Живое не напорется на мину,
И поднимает в небо Магдалину
Надутый перегаром дирижабль.

Поэт спокойно спит на книжной полке,
А я верчу подзорную трубу,
И, прикусив дрожащую губу,
Буравлю перевёрнутую даль,
Где Нельсон в полинявшей треуголке,

И фейерверком сыплются осколки,
И ни креста, ни чёрта – только сталь.

Во мгле зияет незнакомый город,
Как будто отражение в воде,
И гавань подчиняется беде,
Как церкви подчинился Галилей...
Но глубина распахивает ворот,
И грозная, как «мессер», рыба-молот
Сшибает пулемёты с кораблей.

Я дверь закрыл и, обливаясь потом,
Зажёг лучину и налил вина.
И, слава Богу, кажется, Луна
Скользнула и, не повредив стекла,
Ведомая ночным автопилотом,
Отправилась за уцелевшим флотом,
Махнула вдаль и, в общем, истекла.

Ко мне влетела дева на свирели.
На корабле поправили прицел.
Лес закрипел, прогнулся и запел
Анафему во все колокола.
Верхи врубились, но не одолели,
Сражённый наповал сказал: «Успели...»,
И я пишу: «Печаль моя светла...»

1.1990

Форма грусти

И грусть соответствует форме,
Как солнечный свет апельсину,
Как острые дольки лимона
Дождям экзотических стран.
Я вычислил путь телефона,
Но гул опломбировал номер.
И вечер, идущий на запад,
Хрустит под ногами, как снег.

Закружится красное солнце,
И ветви пернатую стаю
На заиндевелом закате,
Как листья, с себя отряхнут.
Но лоск апельсиновой кожи,
Подобно забытому чуду,
Окрасит озябшие крылья
И выдохнет в двери пургу.

В окне отражаются сутки,
А время, наверно, в портфеле,
Который доверху наполнен
Катушками от проводов.
Но там в невозможном контакте
Как раз получается пламя,
И преобразается вечность,
Монтируя минус на плюс.

Острее приправы из перца,
Как острый клинок изувера,
Качается красное солнце
В прослойке небес и земли.
И капает сок апельсина
На жёлтую кожу лимона,
И плавится мёртвое небо
У золота на острие.

А дальше – горячие руки
Предложат вам лёд на ладонях,
Как будто упавшие дольки
Из-под опалённых ресниц.
Засохнут слова на конверте
В пустом разделении гула.
Где в точности плюс или минус —
Не вспомню, но выберу плюс.

И это всего лишь орбита,
Вращение около неба.
Немыслимо и непонятно
У всех и всего на виду.
Я вычислил путь телефона,
Но гул опломбировал номер
И плещет в оранжевом зное
На окна свою кислоту.

12.1990

Мой стих

Мой стих течёт... И мыслю, что живу,
Мгновенья преломляю, как в кристалле,
И плещется вино в моём бокале,
И кружится корабль на плаву.

Приятель добрый – славный Ганимед —
В движении и шелесте страничном.
И в воздухе библейском и античном
Сливаются пророк и кифаред.

Должно быть, прохудились облака,
Пока судьбу предсказывал астролог,
И звёздами зачатый археолог
Уже открыл последние века.

И стих течёт... И щедрый Ганимед
Вином прамнейским чествует сраженье,
Расплёскивая головокруженье
Каких-то необъявленных побед.

2.1990

Медитация

Я – Будда. Утро. Жду учеников.
Мои ученики ещё в постели.
Но кто моих детей будить посмеет,
Когда и сам учитель крепко спит.

1.1990

Весна

Внезапно кончится письмо,
И выдохнет далёкий голос
Непрозвучавшие слова.
И встанет утро над землёй,
Как голубая панорама,
Открытая со всех сторон.

Какая талая листва!
Какая тьма посередине!

И в небе птичий кавардак,
Такой же вещей и щемящий,
Как глубина из-под ресниц.
И нам несёт благую весть
Живое солнце в чёрных лужах,
Окрашивая углем лёд.

И так бы жить, перечеркнув
Слова, забытые впервые,
И править, словно стеклодув,
Узоры эти вековые.
И лёд топить на камельке,
И смыть все знаки на руке.

И говорить: что высота,
Что эти поле, лес и ветер,
Когда кругом лишь немота
И всё известно всем на свете,
Когда повсюду – ветер, ветер...
И непонятно ни черта.

Какая талая листва!
Какая тьма посередине!
Горит и плавится апрель.
Ну, а потом? Потом опять
Недолетевшее сопрано
Начнёт по клавишам нырять,
Пока не поздно и не рано
Ещё всё это повторять,
Что вот и плавится апрель!

Какая тьма посередине!

И всё внезапно оборвётся.
Как лёд, как будто в никуда,

Перелетит и перельётся.
Другого нам не остаётся.
Горит апрель, течёт вода.

3.1990

Общие места

1. «Силуэты женщин за окном...»

Силуэты женщин за окном.
Грусть крепка, как мраморная скука.
Это ли чужбина и разлука,
Вечная, как снимок под стеклом.
Родина! Не твой ли Эпикур
Этим утром выпил с Диогеном?
И стоят поэты под рентгеном
Новых истин или процедур.
Пафос увеличится стократ
И пойдёт гулять до самой кромки.
Вспомните, товарищи потомки,
Крашенный под омут медсанбат...
Пена в горле или просто снег?
Этот вот отбился. Ну и что же?
Ничего не помнит, но по роже
Видно, что решился на побег.

2. «Это снова текут по столу...»

Это снова текут по столу
Капли водки и лютые слёзы.
Отшумели дубы и берёзы.
И по кругу клубится туман.
Не пойму, и осилить едва
Светлой памяти взлёт лебединый.
Невиновный и всё же повинный,
И другим не вернуться назад.
К чёрту песни и ломаный стих.
Это море бушует в сосуде!
И монгол на огромном верблюде
Озирает пространство степей.
Это ветер гремящим песком
Засыпает зелёные страны,
И клубятся по кругу туманы —
Словно айсберги над головой.
Эскимос надевает пенсне
И трясёт снеговой бородой.
Через полюс стремятся за мною
Три упряжки голодных собак.
И консервный заржавленный нож

Вылетает из испортой банки,
И ложатся ничком куртизанки
На ещё не остывший песок.
Это память лебяжьим крылом
Выметает последние крохи.
И струится на крылья эпохи
Чья-то жизнь запоздалым лучом.

3. «В одиночестве каждый виновен...»

В одиночестве каждый виновен,
Как ни вейся по струнам смычок.
Мой ли дом из распатанных брёвен?
Не замкнуть, не закрыть на крючок!
Запишусь в караул с домовыми
И пойду до рассвета шалить,
Если утро начнётся пивными,
Если лопнула звёздная нить.
Под ветвями могучего древа
Не осилить зелёной змеи.
От Адама зачала нас Ева,
Но мы, Господи, дети твои.

5.1990

Транспозиция

Транс
позиция лягушек на болоте,
Развешанных на стеблях впопыхах.
Земная пыль висит на облаках.
И мимо пролетают в самолёте
Колхозники с антеннами в руках.

Колхозники глядят в иллюминатор
И тихо пьют не виски и не ром.
Безбрежное болото за бортом.
И, словно лёд, холодный, навигатор
Ведёт машину на аэродром.

Ему так хорошо под облаками
Лягушечьи позиции менять
И зеленью лягушечьей играть,
Как женщины играют каблуками.
Но кто их станет в этом обвинять?

5.1990

Мужик

Кузнечик скачет и стрекочет,
Мужик вытаскивает невод,
А баба смотрит и хохочет,
И, словно рыба, ищет повод.

«Скажи, мужик, твои ли сети
Прорвались или проржавели,
Что все кузнечики и дети
Остались в солнечной купели?»

Мужик в ответ глазами водит
И тяжело переступает,
Пешком три моря переходит
И ничего не отвечает.

И ничего не замечает
Мужик, вытаскивая невод.
Он ни за что не отвечает,
И никакой не нужен вывод.

2.1990

Подражание Катуллу

*Плачьте, о Купидоны и Венеры,
Все на свете изысканные люди!
Птенчик умер моей подруги...*

Гай Валерий Катулл

Мой птенец ещё не умер,
Отнесу его подружке.
Пусть с ним Лесбия играет
И с руки на лоне кормит.
Дайте, Боги, ей увидеть
В это время сны Олимпа
И, пока порхает птенчик,
Золотой нектар отведать.

Слушай, Лесбия, и смейся,
Наслаждайся. Дивный щебет!
Рад и я, как эта птаха
Вся от радости трепещет.
Только страшно... Помнишь, дева,
Слёзы римского поэта?
Если вправду то случится,
Отвечай, чего мне делать?..

5.1992

Одиссей и Навзикая

О каком-то мире фантастичном
Там, где катит волны Енисей,
В самопальном рубище античном
Бредит современный Одиссей.

За камнями плачет Навзикая,
Зашивая рваную суму.
Что она – такая молодая,
Не понять, блаженному, ему...

9.1994

Знак Гефеста

Под пеплом Геркуланума с тобой
Хотел бы я остаться, словно те
Влюблённые, которым никогда
Уже свои уста не разомкнуть.
Счастливые! Не слышали грозы
И замысла хромого кузнеца
Не знали, в брэнном городе легли
И встали отраженьем во Вселенной.
Я в зеркале увидел, как они
На нас с тобой глядели.
Вдалеке Алел уже проснувшийся вулкан.
Мы в небо поднимались над вулканом,
С тобою в отражение одно
Сливаясь, как они. Лишь им двоим
Открылось наше зрение. Гефест
Кладёт в огонь испуганную ночь.
И снег летит за окнами – как пепел.
И целый мир – огромный Геркуланум.

5.1994

Сократ и небо

Вот женщина, как облако...
Она – Рождённая из пены на рассвете,
О чём сегодня знают только дети,
Но вряд ли помнит женщина.
Война Кончалась. Победители с вершин
Бросали соль в аттические ночи,
И многомерный голос или почерк
Переполнял мифический кувшин.

Вот лампа и маяк. Окно с утра
Распахнуто... Вершины покаянны!
И женщины, как облака, туманны,
Меняют очертания. Игра Беспроигрышна.
Людам и богам Не быть за то в накладе и в ответе.
И к нам с тех пор привязан, словно к детям,
Философ, что молился облакам...

7.1995

Ода шмелю

Рифлёной пулей выдави стекло,
Смахни крылом расплавленные соты.
Воды с тех пор немало утекло,
Как шли на Рим авары или готы,
Как шли из Рима пенистой волной.
И воздух разрывая пешеходный,
Летел и вился всадник превосходный,
И ключ звенел над медной головой.

Застрянет пуля – будешь в дураках!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.